

Оноре де Бальзак

Прославленный Годиссар

Посвящается графине де Кастри

Коммивояжер, личность в древности неизвестная, — не является ли она одной из самых примечательных фигур, порожденных нравами нашего времени? Не предназначена ли она в определенных условиях стать знаменем того великого перехода, который для людей наблюдательных соединяет эпоху, извлекающую выгоду из ценностей материальных, с эпохой, извлекающей выгоду из ценностей интеллектуальных? Нашему веку суждено сочетать господство индивидуальной силы, богатой своеобразными творениями, с господством силы единообразной, но обезличивающей, уравнивающей все, что она производит, выбрасывающей продукты во множестве и послушной единой мысли, которая выражает дух современного общества. Вслед за разгулом этого духа, вслед за предельными усилиями цивилизации, стремящейся сосредоточить воедино все богатства земного шара, не воцаряется ли обычно мрак варварства? Не является ли коммивояжер в понятии людей тем же, чем являются для них и для вещей дилижансы? Он перевозит их, заставляет передвигаться, сталкивает друг с другом; он черпает в средоточии света лучи и рассеивает их затем среди погруженного в спячку населения. А между тем этот человек-фейерверк — невежественный ученый, обманутый обманщик, неверующий священнослужитель, с апломбом рассуждающий о таинствах и догмах. Любопытная фигура! Он все видел, все знает, со всеми знаком. Пресыщенный пороками Парижа, он умеет надеть на себя личину провинциального простодушия. Он звено, связующее деревню и столицу, хотя, по существу, он и не парижанин и не провинциал, — он путешественник. Он ни во что не вникает; людей и города знает лишь по названию; о вещах судит только по внешнему виду, ко всему прикидывает свою мерку, — словом, взгляд его скользит по поверхности, не проникая в глубь вещей. Он интересуется всем, но его ничто не интересует по-настоящему. Балагур и сочинитель куплетов, он словно благоволит ко всем партиям, но в глубине души считает себя патриотом. Отличный актер, он умеет улыбаться то нежно, то самодовольно, то угодливо и, перестав улыбаться, вновь делается самим собой, возвращается к своему нормальному состоянию и отдыхает. Он обязан быть наблюдательным, иначе ему пришлось бы отказаться от своего ремесла. Разве не должен он видеть людей насквозь, угадывать их действия, их нравы, а главным образом их платежеспособность, чтобы не терять времени даром и сразу учесть шансы на успех? Привычка быстро принимать решения во всяком деле выработала из него настоящего «знатока»: он судит авторитетно обо всем, рассуждает о театрах Парижа, их актерах, об актерах провинциальных. Кроме того, он

de actu et visu [1] осведомлен о пристойных и непристойных местах во Франции; в случае надобности он с одинаковой уверенностью укажет вам путь как к пороку, так и к добродетели. Красноречие его подобно струе горячей воды, которую, повернув кран, можно по желанию остановить; он тоже сразу останавливает или опять пускает в ход поток трафаретных фраз, которые льются непрерывно, действуя на его жертву словно моральный душ. Красноречив и весельчак, он курит, выпивает. Он носит брелоки, внушает уважение мелкому люду, в деревнях слышет за милорда, никогда не позволяет себя «облапошить», — словечко из его жаргона, — знает, когда хлопнуть себя по карману и звякнуть денежками, чтобы не приняли его за вора сугубо подозрительные служанки тех богатых домов, куда он сумел втереться.

Присущая ему кипучая энергия, пожалуй, самое незначительное качество этого человека-машины. Ни коршуну, камнем падающему на добычу, ни оленю, петляющему, чтобы сбить со следа охотников и собак, ни собакам, учувшим дичь, не сравниться с ним по скорости полета мысли, когда он предвидит «дельце», по ловкости, с которой он подставляет ножку сопернику, чтобы опередить его, по тому чутью, с каким он ощущает, вынюхивает, обнаруживает возможности для помещения своего товара. Какими же непревзойденными качествами должен обладать такой человек! И много ли найдется в любой стране этих дипломатов низшего ранга, этих глубокомысленных посредников, которые ораторствуют во имя колленора, драгоценностей, сукон, вин и подчас оказываются куда изворотливее послов, ибо в большинстве случаев у тех нет ничего, кроме внешнего лоска. Никто во Франции не подозревает, какую невероятную силу непрерывно развивают вояжеры, которые бесстрашно парируют отказы и в самом захолустном городишке выступают представителями духа цивилизации и парижских изобретений, вступивших в единоборство с расчетливостью, невежеством или косностью провинции. Разве можно обойти молчанием этих замечательных тружеников, которые обтачивают умы людей, обрабатывая своим словом самые неподатливые глыбы, и похожи на неумолимых шлифовщиков, чей напильник сглаживает даже твердый порфир? Если вы желаете узнать всю власть слова и то высокое давление, какое оно оказывает на самые тугие, неподатливые кошельки, на те кошельки, что принадлежат засевшему в своей деревенской берлоге собственнику, то послушайте речь одного из тузов парижского финансового мира, ради выгоды которых ходят, стучат и трудятся эти мыслящие поршни паровой машины, именуемой куплей-продажей.

— Сударь, — говорил ученому экономисту директор-кассир-управляющий, главный секретарь и администратор одного из знаменитейших обществ по страхованию от пожара, — сударь, в провинции из общей суммы в пятьсот тысяч франков возобновляемых полисов добровольная подписка дает не более пятидесяти тысяч; остальные четыреста пятьдесят мы размещаем благодаря настойчивости наших агентов, которые являются к тем, кто просрочил взносы, и не отстают от них, страдая и подогревая их жуткими рассказами о пожарах, пока неплательщики не возобновят страховку. Таким образом, на долю красноречия, этого словесного потока, приходится девять десятых тех путей и способов, которыми мы пользуемся в нашей работе.

Говорить! Заставлять себя слушать, — да ведь это же все равно что соблазнять? Страну, имеющую две палаты, и женщину, слушающую обоими ушами, одинаково можно считать погибшими. Ева и ее змий — вот извечный миф о повседневном факте, он родился вместе с миром и, возможно, с ним и умрет.

— После двухчасовой беседы клиент должен вам принадлежать целиком, — говаривал один отставной ходатай по делам.

Осмотрите коммивояжера со всех сторон. Вглядитесь в эту фигуру. Не забудьте ни оливкового редингота, ни плаща с сафьяновым воротником, ни трубки, ни рубашки из шертинга в голубенькую полосочку. Какое множество разнообразных натур можно обнаружить в этом персонаже, настолько самобытном, что он остается самим собой, куда бы ни втирался. Посмотрите! Что за атлет! Его арена — весь мир, его оружие — язык. Бесстрашный мореход, он отправляется в путь, имея в запасе всего лишь несколько фраз, намереваясь своим красноречием выловить пятьсот или шестьсот тысяч франков в полярных морях, в стране ирокезов или во Франции! Ведь ему надо изъять чисто моральным воздействием золото, запрятанное в провинциальных кубышках, — изъять его безболезненно! Охотой с гарпуном и факелом распугаешь провинциальную рыбешку, она ловится только вершой, неводом — самой безобидной снастью. Как же после этого без трепета представить себе тот словесный поток, который во Франции с самой зари низвергает свои водопады? Теперь вы знаете вид, а вот вам и особь.

Есть в Париже несравненный вояжер, образец этого типа, человек, предельно обладающий

всеми качествами, свойственными природе его успехов. В его речи вы найдете одновременно и купорос, и птичий клей; клей — для того, чтобы засосать, облепить свою жертву и приклеить ее к себе, а купорос, чтобы растворить самые твердые ее расчеты. Он специализировался на шляпах, но его талант и искусство опутывать людей снискали ему столь громкую коммерческую славу, что парижские торговцы галантереей лебезили перед ним, только бы он соблаговолил взять на себя их поручения. Поэтому, вернувшись в Париж после своих победных походов, он проводил время в пирах и попойках; в провинции корреспонденты торговых домов заискивали перед ним; в Париже крупные фирмы его ласкали. Всюду его так привечали, чествовали, кормили, что позавтракать или пообедать одному было для него редким наслаждением. Он вел образ жизни владетельной особы, или, вернее, журналиста. Ведь он же был ходячей хроникой парижской торговли. Звался он Годиссаром, а его известность, всеобщее доверие, похвалы, которые ему расточались, снискали ему прозвище «прославленного». Всюду, где бы он ни появлялся, — в торговой ли конторе или харчевне, в гостинице или в дилижансе, в мансарде или в кабинете банкира, — его встречали радостным возгласом: «А, вот он, наш прославленный Годиссар!» Не было еще на свете человека, по осанке, манерам, физиономии, голосу и речи столь подходящего к своей фамилии[2]. Все улыбалось вояжеру, и вояжер улыбался всему.

Similia similibus [3], он был сторонником гомеопатии. Каламбуры, раскатистый хохот, лицо веселого монаха, румянец францисканца, внешность в духе Рабле, одежда, тело, ум, повадки — все сливалось воедино, придавая всей его особе что-то подкупающее, некую приятную игривость. Бойкий в делах, благодушный шутник, — словом, человек, любезный сердцу гризетки; он с изяществом взбирается на империал дилижанса; подает руку даме, помогая ей выйти из кареты; подсмеивается над шейным платком почтаря и продает ему шляпу; улыбается служанке, завладевая либо ее станом, либо ее чувствами; подражает за столом бульканью бутылки, надув щеку и щелкая по ней; умеет изобразить шипение пива, выдувая воздух сквозь зубы; стучит ножом по бокалам для шампанского, не разбивая их, и предлагает другим: «Ну-ка, попробуйте!»; он высмеивает робких пассажиров, опровергает мнения образованных людей, царит за столом и уписывает лучшие куски. Впрочем, как человек с твердой волей, он умел вовремя прекратить свои шутки и казался глубокомысленным, когда, отбросив окурки сигары, говорил, озирая город: «Посмотрим, что у этих людей в середине». Вот тут-то Годиссар превращался в самого тонкого, в самого хитроумного дипломата. Он умел держать себя администратором — у супрефекта, капиталистом — у банкира, верующим и верноподданным — у роялиста, обывателем — у обывателя; словом, всюду он был тем, кем ему полагалось быть, оставляя Годиссара за порогом и вновь воплощаясь в него при выходе.

До 1830 года прославленный Годиссар был верен галантерее. Предназначение для удовлетворения большинства человеческих прихотей, разнообразные отрасли этой торговли дали ему возможность наблюдать извилины человеческого сердца, обучили тайнам завлекающего красноречия, способам развязывать шнуры самой тугий мошны, указали, как пробудить капризы женщин, мужей, детей, служанок и уговорить их осуществить свои причуды. Никто лучше его не владел искусством поманить торговцев выгодной сделкой и уйти как раз тогда, когда их аппетит достиг своей высшей точки. Исполненный благодарности к шляпному делу, он утверждал, что, обслуживая голову снаружи, он научился понимать то, что происходит внутри головы, он привык «околпачивать» людей, «садиться им на голову» и т. д. Его шутки о шляпах были неистощимы. Тем не менее после августа и октября 1830 года он оставил шляпное дело и галантерею, расстался с комиссиями по торговле предметами зримыми, сделанными руками человека, ради того чтобы кинуться в самые возвышенные сферы парижской спекуляции. Он отказался от материи ради мысли, говорил он, от фабричных изделий — ради бесконечно более чистых продуктов ума. Это требует пояснения.

Известно, что переворот 1830 года возродил многие прежние идеи, которые ловкие дельцы

попытались обновить. Говоря языком коммерческим, после 1830 года идеи превратились в ценности, и, как сказал некий писатель, достаточно разумный для того, чтобы ничего не печатать, — нынче больше воруют идей, нежели носовых платков. Быть может, мы еще увидим биржу идей, но уже и сейчас идеи — хорошие или плохие — котируются, подхватываются, ввозятся и вывозятся, продаются, реализуются и приносят доход. За неимением на рынке идей дельцы стараются пустить в ход слова, придав им видимость идей, и живут этими словами, словно птички просыпанными зернышками. Не смейтесь! В стране, где ярлык, наклеенный на мешке, прельщает сильнее, нежели его содержимое, слово равноценно идее. Разве мы не наблюдаем, как издательства наживаются на слове «живописный», после того как литература убила слово «фантастический»? Вот почему казна почуяла возможность ввести налог на интеллект; она отлично сумела измерить плодоносное поле объявлений, зарегистрировать проспекты и взвесить мысль на улице Мира, в палате гербовых сборов. Превратившись в источник дохода, интеллект и его продукты, естественно, должны были подчиниться законам фабричного производства. И вот идеи, зачатые после попойки в мозгу какого-нибудь из тех на первый взгляд праздных парижан, которые, осушая бутылку или разрезая рябчика, дают моральные сраженья, — эти идеи на следующий же день после их интеллектуального рождения были предоставлены коммивояжерам с поручением искусно преподнести

urbi et orbi [4], в Париже и в провинции, объявления и проспекты, на приманку которых, как на поджаренное сало, попадает в мышеловку, расставленную торговой конторой, провинциальная крыса, в просторечии именуемая то абонентом, то акционером, то корреспондентом, иногда подписчиком или патроном, но всегда и всюду дураком.

— Ну и дурак же я! — восклицал не один несчастный собственник, прельстившийся перспективой стать основателем чего-то, а в конечном счете основательно растрясший тысячу или тысячу двести франков.

— Все подписчики дураки, они не хотят понять, что для движения вперед в царстве интеллекта надо куда больше денег, чем для путешествий по Европе и т. д., — говорит делец.

Итак, существует вечная борьба между отсталой публикой, отказывающейся платить парижские обложения, и сборщиками, которые, живя на то, что выручат, пичкают публику новыми идеями, шпигуют предприятиями, кормят проспектами, нанизывают ее на вертел лести и в конце концов проглатывают под каким-нибудь новым соусом, в котором она захлебывается, одурманенная, как муха отравой. Действительно, чего только не делали во Франции после 1830 года, чтобы разжечь рвение и самолюбие «разумных и просвещенных масс»! Звания, медали, дипломы, — своего рода орден Почетного легиона, выдумка для мучеников попроще, — следовали друг за другом. Наконец, все фабрики продуктов интеллектуальных изобрели, себе на радость, некий перец, особого рода возбуждающие пряности. И вот пошли премии, пошли досрочные дивиденды, пошло привлечение известных имен, объявленное без ведома тех несчастных знаменитостей, которые их носят и оказываются, таким образом, участниками большего числа предприятий, чем насчитывается дней в году, ибо эта кража имен законом не наказуется. Одновременно пошло и похищение идей, которые предприимчивые дельцы, подобные азиатским торговцам невольницами, вырывают из мозга, их зачавшего, еще не вполне созревшими, совлекают с них одежды и тащат пред очи своего остолбеневшего султана Шахбахама[5] — жестокой толпы, которая, если они ее не позабавят, зарежет их без ножа, урезав им золотой паек.

Итак, это безумие нашего времени оказало свое воздействие и на прославленного Годиссара, и вот каким образом. Некое общество страхования жизни и капиталов, прослышав о его неотразимом красноречии, предложило ему неслыханно выгодные условия, и он согласился. Сделка совершилась, договор был подписан, и вояжер поступил на выучку к главному секретарю администрации, который просветил ум Годиссара, вскрыл перед ним тайны

ремесла, обучил его профессиональному жаргону, разобрал всю механику дела, исследовал ту особую публику, которую ему придется обрабатывать, начинил его фразами, нашпиговал импровизированными ответами, снабдил запасом убедительных доводов, короче говоря, заострил кончик его языка, долженствующего производить операции над жизнью во Франции. Ученик вполне оправдал старания господина главного секретаря. Заправины «Страхования жизни и капиталов» так горячо расхвалили прославленного Годиссара, окружили его таким вниманием, так выгодно обрисовали в высоких сферах банковской и интеллектуальной дипломатии таланты этого ходячего проспекта, что финансовые директора двух в ту пору знаменитых, а ныне уже покойных газет вздумали использовать его для сбора подписки. «Земной шар», орган сенсимонистов, и «Движение», республиканская газета, пригласили к себе в конторы прославленного Годиссара и предложили ему каждая по десяти франков с подписчика, если он привлечет их тысячу, и по пяти франков, если он уловит только пятьсот. Сделка была заключена, ибо работа для газеты не наносила ущерба работе для «Страхования капиталов». Тем не менее Годиссар, ссылаясь на чрезвычайные усилия памяти и ума, необходимые для досконального изучения этого сорта «товара» и приобретения умения рассуждать о нем должным образом, «так, чтобы не ударить в грязь лицом», как говорил он, потребовал компенсации в пятьсот франков за ту неделю, в течение которой он ознакомился с учением Сен-Симона. От республиканцев он ничего не потребовал. Прежде всего он и сам склонялся к республиканским идеям, единственно способным, — согласно его, годиссаровской, философии, — установить разумное равенство; к тому же Годиссар был в свое время замешан в заговорах французских карбонариев[6], арестован, но за неимением улик выпущен; в общем, он заявил владельцам газеты, что после Июльских дней отрастил себе усы, и теперь ему не хватает только каскетки да длинных шпор, чтобы олицетворять собой Республику. В течение недели он ходил по утрам в «Земной шар» начиняться сенсимонизмом, а по вечерам бегал в контору Страхового общества постигать тонкости финансового языка. Его способности, его память оказались столь редкими, что он смог отправиться в путешествие уже к пятнадцатому апреля — дата, в которую он ежегодно начинал свой поход. Два крупных торговых дома, напуганные понижением доходов, будто бы соблазнили честолобивого Годиссара и уговорили взять на себя еще и их поручения. Король вояжеров великодушно согласился, приняв во внимание старую дружбу и обещанную ему громадную премию.

— Слушай, цыпочка моя, Женни, — говорил он, сидя в фиакре, хорошенькой цветочнице.

Все истинно великие люди любят, чтобы их тиранило слабое существо; для Годиссара таким тираном была Женни; в одиннадцать часов вечера он вез ее домой из театра Жимназ, куда сопровождал в парадном туалете в ложу бенуара у авансцены.

— Как только вернусь, Женни, обставлю тебе комнату, да еще как. Заткнем рот сухопарой Матильде; нечего ей тыкать тебе в нос своими настоящими кашемировыми шальями, которые ей привозят курьеры русского посольства, своей позолоченной серебряной посудой и своим русским князем, на мой взгляд, отъявленным хвастунишкой. Я пожертвую на украшение твоей комнаты всех детей, которых сделаю в провинции.

— Вот это мило! — воскликнула цветочница. — И ты, чудовище, спокойно говоришь мне о том, что сделаешь детей... Уж не думаешь ли ты, что я это потерплю?

— Ты что, Женни, рехнулась?.. Это наш профессиональный жаргон!

— Ну и профессия, нечего сказать!

— Да ты выслушай. Если все время будешь говорить ты одна, то, конечно, всегда будешь права ты!

— А я и хочу всегда быть правой! Ты теперь уж совсем не стесняешься!

— Дай же мне договорить! Я взял под свое покровительство отличный замысел — журнал, который будет издаваться для детей. Так вот, когда в нашем деле вояжеры завербуют в каком-нибудь городе, скажем, десять подписчиков на «Детский журнал», они говорят: «Я сделал десятерых детей»; так же вот и я, — если наберу десять подписчиков на газету «Движение», скажу: «Сегодня я сделал десять «Движений»...» Поняла?

— Час от часу не легче! Теперь ты еще и в политику ударился. Помяни мое слово, сидеть тебе в Сент-Пелажи, и я еще туда набегаюсь. Если бы мы только могли вообразить, чем мы рискуем, полюбив мужчину, то, ей-ей, предоставили бы вам, мужчинам, устраиваться как знаете. Ну ладно, завтра ты уезжаешь, так не будем поддаваться черным мыслям; все это глупости!

Фиакр остановился перед красивым, недавно построенным домом на улице д'Артуа, и Годиссар с Женни поднялись на пятый этаж. Здесь проживала мадемуазель Женни Куран, о которой шла молва, будто она тайно повенчана с Годиссаром, и вояжер не опровергал этого слуха. Чтобы поддерживать свою власть, Женни Куран требовала от прославленного Годиссара тысячи забот, постоянно угрожая бросить его, если он пренебрежет хотя бы малейшим проявлением внимания. Годиссар должен был писать ей из каждого города, где останавливался, отдавать отчет во всех своих действиях.

— Сколько же потребуется детей, чтобы обставить мне комнату? — спросила она, сбрасывая шаль и усаживаясь у жарко пылающего камина.

— Я получаю по пяти су с подписчика!

— Замечательно! И этими пятью су ты думаешь обогатить меня? Разве только, если ты уподобишься Вечному Жиду в своих скитаниях да еще наглухо зашьешь карманы.

— Да ведь я, Женни, тысячи детей сделаю. Ты только подумай, у детей никогда не было своего журнала. А впрочем, и дурак же я! Толкую с тобой о коммерческих делах, а ты в этом ничего не смыслишь!

— Вот как! Ну, тогда, Годиссар, скажи, за что ты меня любишь, раз я так глупа?

— За то, что ты божественно глупа! Послушай, Женни. Видишь ли, если я сумею всучить «Земной шар», «Движение», страховку и модные товары, то вместо каких-то жалких восьми или десяти тысяч в год, которые я добываю своим горбом, исколесив всю страну, как настоящий Майе[7], я буду привозить по двадцати, по тридцати тысяч франков с каждой поездки.

— Расшнуруй-ка мне корсет, Годиссар, только поосторожней, — не дергай.

— Тогда, — продолжал вояжер, любясь гладкой спиной цветочницы, — я стану акционером газеты, как Фино, один из моих друзей; он сын шляпочника, а теперь получает тридцать тысяч франков дохода и скоро станет пэром Франции! И подумать только, что какой-то там Попино [8]... Боже мой! Ведь я забыл тебе сказать, что вчера господина Попино назначили министром торговли... Почему бы и мне не быть честолюбивым? Хе-хе, я отлично усвоил бы парламентскую болтовню и мог бы стать министром, да еще каким! Ну-ка, послушай!

— Господа, — начал он, опершись обеими руками на спинку кресла, — печать не орудие и не торговое предприятие. С политической точки зрения печать — это общественный институт. А мы здесь, безусловно, обязаны смотреть на вещи с политической точки зрения, стало быть... — (Он перевел дух.) — Стало быть, нам предстоит обсудить, полезна ли печать или вредна, следует ли поощрять ее или преследовать, надо ли ее ограничить или предоставить ей свободу, — вопросы существенные! Я полагаю, что не злоупотреблю драгоценным временем палаты, если рассмотрю положение печати и изложу вам все данные. Мы катимся в пропасть.

Конечно, законы не смягчены, как полагалось бы...

— Каково? — спросил он, взглянув на Женни. — У всех ораторов Франция катится в пропасть; они утверждают либо это, либо упоминают о государственной колеснице, о бурях и о политическом горизонте. Ну как, правда, ведь я разбираюсь в любых воззрениях? У меня есть коммерческая сметка. А знаешь почему? Я родился в сорочке. Мать сохранила мою сорочку, я тебе ее подарю! Итак, скоро я приду к власти.

— Ты?

— А почему бы мне не стать бароном Годиссаром, пэром Франции? Ведь избрали же дважды господина Попино в депутаты от четвертого округа; он обедает с Луи-Филиппом! Говорят, Фино вот-вот станет государственным советником! Ах, если бы меня назначили послом в Лондон, я бы уж прижал англичан к стенке! Никогда и никто не обставлял еще Годиссара, прославленного Годиссара! Да, никогда и никто не провел и не проведет меня ни по какой части, будь то политика или не политика, тут или в ином месте. А пока что я должен целиком отдаться «Капиталам», «Земному шару», «Движению», «Детям» и галантерее.

— Попадешься ты с твоими газетами. Бьешься об заклад, не успеешь доехать до Пуатье, как уже влипнешь!

— Хочешь пари, милочка?

— На шаль!

— Идет! Если я проспорю шаль, то вернусь к своей галантерее и шляпам. Но чтобы обставили Годиссара, да никогда этому не бывать!

И прославленный вояжер приосанился, гордо взглянул на Женни, засунул руку за борт жилета и повернул слегка голову в сторону, подражая наполеоновской позе

— Ну, до чего же ты смешон! Какая тебя сегодня муха укусила?

Годиссар был мужчина лет тридцати восьми, среднего роста, плотный и даже несколько тучный, как человек, путешествующий не по способу пешего хождения, а обычно пользующийся дилижансом; лицо у него было круглое, как тыква, румяное, с правильными чертами и походило на те классические лица, коими скульпторы всех стран наделяют статуи Изобилия, Закона, Силы, Торговли и т. д. Его выступающее брюшко имело форму груши; несмотря на короткие ноги, Годиссар был ловок и подвижен. Он поднял полураздетую Женни и отнес ее на кровать.

— Молчите, «свободная женщина»! — сказал он. — Ты не знаешь, что такое свободная женщина, что такое сенсимонизм, антагонизм, фурьеризм, критицизм и неистовая эксплуатация, — так вот, это... словом — это десять франков с подписчика, госпожа Годиссар!

— Честное слово, ты сходишь с ума, Годиссар!

— От тебя я с каждым днем все больше и больше без ума, — сказал он, бросая шляпу на диван.

На следующее утро Годиссар после обильного завтрака с Женни Куран отправился верхом по окружным центрам, особо рекомендованным его вниманию различными предприятиями, процветанию коих он посвятил свои таланты. Объездив за полтора месяца местность, лежащую между Парижем и Блуа, он задержался на две недели в этом последнем городе, где привел в порядок свою корреспонденцию и посетил окрестные базарные местечки. Накануне отъезда в Тур он написал мадемуазель Женни Куран следующее письмо, точность и

прелесть которого не поддаются пересказу и которое, кстати говоря, свидетельствует о несомненной законности уз, соединяющих этих двух особ.

Письмо Годиссара к Женни Куран

«Дорогая моя Женни, боюсь, как бы ты не проиграла свое пари. Как и у Наполеона, у Годиссара есть своя звезда, но Ватерлоо у него не будет. При данных обстоятельствах я всюду одержал победу. Страхование капиталов идет отлично. От Парижа до Блуа я разместил около двух миллионов; но по мере того, как я продвигаюсь в глубь Франции, люди становятся удивительно тупоумными, а значит, и миллионы гораздо более редкими. Галантерея понемногу расходуется. ЭТО ВЕРНЫЕ ДЕНЕЖКИ. Простачки-лавочники отлично идут на мою испытанную удочку. В Орлеане я сбыв 162 кашемировые шали Терно. Право, не знаю, что они с ними будут делать; разве что накинута на спины своим баранам. А вот по части газет, черт возьми, — совсем другой коленкор! Господи боже мой! Ну и люди, намучаешься, прежде чем они запоят у тебя на новый лад! Пока я сделал всего шестьдесят два «Движения»! И это за весь мой путь, на сотню меньше, нежели шалей Терно в одном городе. Чертовы республиканцы никак не желают подписываться. Беседуешь с ними, они беседуют с тобой, разделяют твои взгляды, кажется — вот-вот, уже договорились, что пора свергнуть все на свете, воображаешь, что хоть один подпишется! Черта с два! Если у него есть клочок земли, чтобы вырастить дюжину кочанов капусты, или лесок, где деревья хватит разве только на зубочистку, — так он сразу же начинает болтать об упрочении собственности, о налогах, доходах, возмещениях, о разном вздоре, и я только зря трачу время и красноречие на разговоры о патриотизме. Никудышное дело! Чаще всего «Движение» не движется. Я пишу об этом и моим доверителям. Меня это огорчает ввиду моих убеждений. Для «Земного шара» мне нужен другой народ. Начнешь говорить о новых учениях людям, которые как будто могут клюнуть на эту удочку, а они смотрят на тебя так, словно ты предлагаешь им сжечь собственные их дома. Уж я им твержу, твержу, что в этом будущее, правильно понятая выгода, что тут ничего не пропадет; что пора человеку прекратить эксплуатировать человека, а женщине пора перестать быть рабой, что надо добиться торжества великих провиденциальных идей и более разумного устройства общественного порядка, — ну, словом, пускаю в ход весь запас моего потрясающего красноречия... Не тут-то было! Стоит мне раскрыть эти мысли, провинциалы закрывают свои шкафы, словно я собираюсь их обокрасть, и выставляют меня за дверь. До чего же они глупы! «Земной шар» провалился. Я им тогда же еще говорил: «Вы слишком прогрессивны. Вы идете вперед, это хорошо, но нужны результаты, провинция любит результаты!» Все же я сделал сто «Земных шаров», а принимая во внимание, что здешние деревенские башки никак не продолбишь, — это просто чудо. Я им наобещал столько всякой всячины, что, ей-богу, не знаю, как мои шары, шарики, шаруны, шаристы все это выполняют; но так как они мне сказали, что устроят мир на новый лад, гораздо лучше, чем теперь, то я опережаю события и проповедую — во имя десяти франков с подписчика. Один фермер из-за названия «Земной шар» решил, что речь идет о земле, — вот он у меня на один «Земной шар» и налетел. Этот клюнет уж наверняка, у него крутой лоб, а все, у кого крутые лбы, — идеологи. Ах, то ли дело «Дети»! От Парижа до Блуа я сделал две тысячи «Детей». Замечательное дельце! Тут много слов не требуется. Показываешь матери картиночку тайком от ребенка, но так, чтобы ребенку обязательно захотелось на нее посмотреть; ну, ребенок, конечно, на нее посмотрит и начнет тянуть маму за платье, пока не выклянчит себе журнала, — ведь у папы есть свой журнал. Мамино платье стоит двадцать франков, она не хочет, чтобы малыш его разорвал, а журнал стоит всего шесть франков, — есть расчет, вот вам и готова подписка! Замечательная штука, это же реальная потребность, ее место между вареньем и картинкой — двумя вечными потребностями детей. Ну и разбойники дети пошли: уже читают! Здесь за табльдотом я повздорил из-за газет и убеждений.

Я спокойно завтракал, сидя рядом с господином в серой шляпе, читавшим «Деба». Я подумал: «Вот когда надо бы испытать свое парламентское красноречие. Этот человек — приверженец королевского дома, попробуем-ка его обойти. Такая победа блестяще доказала бы мои министерские таланты». И вот я принимаюсь за работу. Начал с расхваливания его газеты, — издавека повел дело, верно ведь! Но мало-помалу я беру верх над собеседником, пуская в ход высокопарные фразы, замысловатые рассуждения — одним словом, все свои знаменитые эффекты. Меня слушали все, а один человек, у которого в усах было что-то от Июльских событий, готов уже был клонуть на «Движение». И дернула же меня нелегкая отпустить слово «дурак»! И тут-то эта монархическая шляпа, эта серая шляпа, — кстати сказать, шляпа скверная — лионская, полущелк-полубумага, — как закусит удила, как рассвирепеет. Я сразу принимаю величественный вид, — представляешь себе? И говорю: «Черт возьми, милостивый государь, да вы чудак! Если вы недовольны мною, я согласен дать вам удовлетворение. В Июле я дрался». — «Хоть я отец семейства, — отвечает он, — но и я готов...» — «Как, сударь, вы отец семейства! — восклицаю я. — Может, у вас и детки есть?» — «Да, сударь». — «Лет одиннадцати?» — «Примерно». — «Ну так вот, сударь, вскоре выйдет «Журнал для детей»: шесть франков в год, один номер в месяц, в два столбца, составленный литературными светилами, прекрасно изданный; плотная бумага, рисунки, исполненные метким карандашом наших лучших художников, настоящие индийские рисунки с невыцветающими красками». Затем я даю залп из всех орудий. Отец потрясен! Ссора закончилась подпиской.

«Только Годиссар способен на подобные фокусы», — говорил тщедушный Ламар долговязому дурню Бюло, рассказывая об этой сцене в кафе.

Завтра я уезжаю в Амбуаз. Амбуаз я обработаю за два дня и напишу тебе уже из Тура, где попытаюсь помериться силами с деревней самой тупой в рассуждении ума и коммерции. Но, не будь я Годиссаром, мы их одолеем! Одоолеем! Прощай, цыпочка! Люби меня по-прежнему, будь мне верна. Что там ни говори, а верность — одна из добродетелей свободной женщины. А кто тебя целует в глазки? До гроба твой

Феликс ».

Спустя пять дней Годиссар покинул утром гостиницу «Фазан», где проживал во время своего пребывания в Туре, и отправился в Вувре, богатый и населенный округ, ибо полагал возможным извлечь выгоду из умонастроения тамошних жителей. Он ехал рысцей вдоль плотины, столько же думая о том, что будет говорить, сколько актер, уже сто раз сыгравший ту же роль. Прославленный Годиссар ехал, беззаботно любясь окрестностями, и продвигался вперед, не подозревая, что в веселых долинах Вувре найдет свою гибель его коммерческая непогрешимость.

Здесь необходимо дать некоторые сведения относительно склада ума жителей Турени. Общительный, лукавый, насмешливый, иронический ум, которым пропитана каждая страница творения Рабле, точно выражает туренский склад ума — ума острого, изысканного, каким и полагается ему быть в том краю, где так долго находился двор французских королей; ума пламенного, художественного, поэтического, сладострастного, но чьи первоначальные порывы быстро остывают. Мягкость воздуха, прелесть климата, известная легкость жизни и добродушие нравов скоро притупляют здесь восприимчивость к искусству, сужают даже самое широкое сердце, разъедают самую настойчивую волю. Пересадите туренца в другое место, и его природные дарования разовьются и породят великих людей — как это доказали в самых различных сферах деятельности Рабле и Санблансе, печатник Плантен и Декарт; Бусико, этот Наполеон своего времени, Пинегрие, который расписал большинство витражей в соборах, затем Вервиль и Курье. Таким образом, туренец, столь выдающийся вне дома, у себя предается блаженной лени, как индеец, растянувшийся на цинковке, или турок, возлежащий на диване. Он изощряется в насмешках над соседями, удовлетворяется этим и счастливо доживает свой век. Турень — это подлинное Телемское[9] аббатство, столь

восхваляемое в книге о Гаргантюа; здесь, как и в творении Рабле, можно найти весьма любезных монашенков, вкусные яства, воспетые этим писателем. Туренская лень поистине божественна, она нашла великолепное выражение в народной прибаутке: «Туренец, хочешь супа?» — «Да». — «Принеси миску». — «А я уже не голоден». Что же породило эту мягкую лень, эти легкие и приятные нравы? Не веселый ли хмель винограда, не гармоничная ли сладость самых прекрасных пейзажей во Франции, не спокойствие ли края, куда не проникал ни разу враг? На эти вопросы ответа нет. Поезжайте в эту французскую Турцию, и вы тоже будете жить там в праздности, созерцании, неге. Будь вы даже таким честолюбцем, как Наполеон, или таким великим поэтом, как Байрон, все равно сила неслыханная, непреодолимая заставит вас забыть о стихах и претворит в наивные мечтания ваши честолюбивые замыслы.

Прославленному Годиссару суждено было встретить в Вувре одного из местных шутников, чьи тонкие насмешки уязвляют лишь совершенством самой насмешки, и с ним Годиссару пришлось выдержать жестокую схватку. Правы туренцы или нет, но только они очень любят получать наследство от родственников. Поэтому учение Сен-Симона в ту пору там особенно ненавидели и поносили, но так ненавидели и так поносили, как это умеют делать в Турени, с презрительной и озорной насмешкой, достойной страны веселых рассказов и шутивных проделок над соседями, с остроумием, которое день ото дня уступает место тому, что лорд Байрон называл «британским ханжеством». Остановившись в харчевне «Золотое солнце», принадлежащей Митуфле, старому гренадеру императорской гвардии, женатому на богатой владелице виноградников, и вверив хозяину свою лошадь, Годиссар, на свое несчастье, отправился к местному хитрецу, затейнику и острослову, которого взятая им на себя роль и природные свойства побуждали веселить своих земляков. Этот сельский Фигаро, некогда красильщик, был обладателем ренты в семь-восемь тысяч ливров, хорошенького домика на холме, пухленькой жены и цветущего здоровья. Уже десять лет он не знал иных забот, кроме как ухаживать за огородом и за женой, подыскивать жениха для дочери, играть вечером в карты, разузнавать интересующие его сплетни, строить каверзы во время выборов, воевать с крупными землевладельцами и угощать приятелей вкусными обедами, гулять по плотине, ездить за новостями в Тур и изводить священника; единственно, что составляло драму его жизни, — это дожидаться, когда же ему продадут наконец земельный участок, вклинившийся в его виноградники. Короче говоря, он жил туренской жизнью, жил, как живут в захолустном городишке. Впрочем, он пользовался влиянием среди местных жителей, возглавлял мелких собственников, жадных и завистливых, со вкусом подбирающих и разносящих выдумки и злословие об аристократии, низводящих все до собственного уровня, враждебных всем, кто выше их, и с великолепным спокойствием невежд даже презирающих таких людей. Г-н Вернье — так звали этого незначительного человека, столь значительного в своем городке — кончал завтракать, сидя между женой и дочерью, когда Годиссар появился в столовой, из окон которой виднелись Луара и Шер, — в одной из самых веселых вуврейских столовых.

— Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с самим господином Вернье? — спросил вояжер, изгибаясь с таким изяществом, словно спина у него была гуттаперчевая.

— Да, сударь, — ответил хитрый красильщик, окинув посетителя проницательным взглядом и сразу поняв, к какому типу людей он принадлежит.

— Я приехал, сударь, — продолжал Годиссар, — просить вашего просвещенного содействия и руководства мною в этом округе, где, как мне сказал Митуфле, вы пользуетесь огромным влиянием. Сударь, я направлен в департаменты, чтобы наладить предприятие чрезвычайной важности, основанное банкирами, которые хотят...

— Которые хотят нашими руками таскать каштаны из огня, — перебил, улыбаясь, Вернье, в свое время имевший дело с коммивояжерами и понимавший, к чему они клонят.

— Совершенно справедливо, — нахально ответил прославленный Годиссар. — Но вы,

сударь, должны знать, раз уж вы столь проникательны, что можно заставить людей таскать для других каштаны только в том случае, если они видят в этом какую-то выгоду для себя. Прошу вас не смешивать меня с обыкновенными вояжерами, которые строят свой успех на хитрости и назойливости. Я уже не вояжер, сударь, но я был им когда-то и горжусь этим. Ныне я облечен чрезвычайно важной миссией, и люди понимающие признают во мне человека, отдавшего свои силы на просвещение родины. Соболаговолите выслушать меня, сударь, и вы убедитесь, сколь много приобретете от получасовой беседы, о которой я имею честь просить вас. Самые крупные банкиры Парижа принимают в этом деле настоящее, а не фиктивное участие, как это бывает в бесчестных аферах, которые я называю «мышеловками». Нет, нет, здесь совсем не то. Я бы никогда не согласился расставлять подобные ловушки для простаков. Нет, сударь, лучшие и наиболее уважаемые банкирские дома Парижа вошли в это дело в качестве заинтересованных и гарантирующих сторон...

И тут Годиссар выложил весь свой словесный товар, а господин Вернье продолжал его слушать с притворным интересом, что и ввело Годиссара в заблуждение. Но как только Вернье услышал слово «гарантия», он перестал обращать внимание на риторику вояжера; он обдумывал, какую бы сыграть с ним шутку, дабы избавить от этого вида парижских гусениц край, справедливо именуемый «варварским» теми дельцами, которым не удастся там ничем поживиться.

В верхней части очаровательной долины, прозванной «Веселой долиной» за извилины и изгибы, которые возникают в ней на каждом шагу и становятся чем дальше, тем живописнее, все равно, идти ли вверх или вниз по этой красивой лощине, жил в окруженном виноградниками доме полусумасшедший человек по имени Маргаритис. Итальянец по происхождению, Маргаритис был женат, но бездетен; жена заботилась о нем с самоотвержением, заслужившим всеобщее признание. Несомненно, г-жа Маргаритис постоянно подвергалась опасности, живя бок о бок с человеком, у которого были разные причуды, — между прочим, он никогда не расставался с двумя длинными ножами и подчас грозился ее зарезать. Но кому не известно, с какой поистине трогательной самоотверженностью отдают себя провинциалы заботам о страждущих, — быть может, потому, что каждый осудил бы мать семейства, если бы она отправила ребенка или мужа в больницу на общественное попечение. Кроме того, кому не известно то отвращение, с каким провинциальные жители вносят плату в сто луидоров или тысячу экю, требуемую в Шарантоне и в лечебницах для душевнобольных. Когда кто-либо говорил г-же Маргаритис о докторе Дюбюиссоне, Эскироле, Бланше или других, она с благородным негодованием отвечала, что предпочитает оставить при себе и свои три тысячи франков, и своего «старика». Поскольку непонятные прихоти, которые безумие внушало старику Маргаритису, связаны с ходами этой истории, необходимо упомянуть о самых примечательных из них. Стоило только пойти проливному дождю, как Маргаритис выходил из дома и разгуливал с непокрытой головой по своему винограднику. Дома он ежеминутно требовал газету; чтобы ему не перечить, жена или служанка подавали ему старую газету департамента Эндр-э-Луар; и за семь лет он ни разу не заметил, что читал один и тот же номер. Быть может, врач не без некоторого интереса подметил бы связь между увеличением спроса на газету и атмосферными изменениями. Излюбленным занятием сумасшедшего было проверять влияние погоды на виноградники. Обычно, когда у жены его бывали гости, — что случалось почти каждый вечер, так как сердобольные соседки приходили поиграть с ней в бостон, — Маргаритис молча, не шевелясь, сидел в углу. Но когда на часах в большом стоячем футляре било десять, он вставал с механической точностью заводной немецкой игрушки, с последним ударом медленно приближался к игрокам, бросал на них взгляд, подобный безжизненному взгляду греков или турок, изображенных на бульваре Тампль в Париже, и говорил: «Ступайте вон!» Иногда этот человек вновь обретал свой былой разум, и тогда он давал жене прекрасные советы по части продажи вин; но в эти периоды он становился и крайне несносным, воровал из шкафов сласти и тайком пожирал их. Подчас, когда приходили постоянные их гости, он отвечал на вопросы учтиво, но чаще всего бормотал что-то

несвязное. Так, например, даме, спросившей его: «Как вы сегодня чувствуете себя, господин Маргаритис?» — он ответил: «Я побрился, а вы?..» — «Не лучше ли вам, сударь?» — спросила другая, а он ответил: «Иерусалим, Иерусалим». Но обычно он тупо смотрел на гостей, молчал, и тогда жена говорила: «Старик мой сегодня ничего не смыслит». Два или три раза за пять лет, обычно в период равноденствия, случалось все же, что он вдруг свирепел от этого замечания, вытаскивал нож и орал. «Эта стерва меня бесчестит!» Впрочем, он пил, ел и совершал прогулки, как совершенно здоровый человек. И в конце концов на него перестали обращать внимание, словно он был мебелью. Среди прочих его чудачеств было одно, смысл которого никто не мог разгадать, — ибо с течением времени местные мудрецы принялись комментировать и толковать даже самые сумасбродные действия этого умалишенного. Он требовал, чтобы дома всегда был в запасе мешок муки и две бочки вина собственных виноградников, и не разрешал трогать ни эту муку, ни это вино. Но как только наступал июнь месяц, он с настойчивостью, свойственной сумасшедшим, начинал беспокоиться о продаже этого мешка муки и двух бочек вина. Обычно г-жа Маргаритис говорила ему, что продала обе бочки по невероятно высокой цене, и отдавала ему деньги; он прятал их, и ни жене, ни служанке, как бы они за ним ни следили, не удавалось подсмотреть куда.

Накануне того дня, когда Годиссар прибыл в Вувре, г-же Маргаритис было труднее чем когда-либо обмануть мужа, к которому, казалось, вернулся рассудок.

— Право, не знаю, — сказала она г-же Вернье, — как пройдет завтрашний день. Представьте себе, мой старик захотел поглядеть на свои заветные бочки. Он весь день меня поедом ел, так что пришлось показать ему две полные бочки. К счастью, у нашего соседа Пьера Шамплена оказались две непроданные бочки; по моей просьбе он прикатил их в наш погреб. И что же! Как увидел старик бочки, приспичило ему самому их продавать!

Как раз перед прибытием Годиссара г-жа Вернье рассказала мужу о затруднительном положении, в котором оказалась г-жа Маргаритис. При первых же словах коммивояжера Вернье решил натравить его на старика Маргаритиса.

— Сударь, — сказал бывший красильщик, после того как Годиссар выпустил свой первый залп, — я не скрою от вас трудностей, с которыми на первых порах столкнется ваша затея. В нашей стороне большинство живет

suo modo [10], в нашей стороне новая идея не привьется. Мы живем по старинке, как жили наши отцы, развлекаемся тем, что кушаем четыре раза на день, занимаемся тем, что обрабатываем виноградники и выгодно продаем вино. Коммерция у нас несложная, мы попросту стараемся продать свой товар подороже. И с этой проторенной дорожки мы не сойдем, и ни богу, ни черту нас с нее не спихнуть. Но я дам вам добрый совет, а добрый совет дороже денег. Живет в нашем городке бывший банкир, осведомленности которого я лично чрезвычайно доверяю; если вы заручитесь его поддержкой, то и я присоединюсь. Если ваши предложения действительно выгодны, если мы в этом убедимся, то на призыв господина Маргаритиса, за которым последует и мой призыв, откликнутся в Вувре двадцать богатых семейств, они раскошелятся и приобретут вашу панацею.

Услышав фамилию сумасшедшего, г-жа Вернье взглянула на мужа.

— Кстати, жена с соседкой как раз собираются навестить госпожу Маргаритис. Подождите немного, дамы вас проводят. Ты зайдешь за госпожой Фонтанье, — сказал старый красильщик, подмигнув жене.

Назвав самую смешливую, самую болтливую, самую ехидную из местных кумушек, он дал понять г-же Вернье, чтобы она заручилась свидетельницей, которая ничего не упустит и будет потом целый месяц потешать весь городок, рассказывая сценку между коммивояжером и сумасшедшим. Супруги Вернье так хорошо сыграли свою роль, что Годиссар не возымел ни

малейшего подозрения и сразу попался в ловушку; он галантно предложил руку г-же Вернье и был убежден, что дорогой покорила обеих дам, которых старался ослепить остроумием, шутками и непонятными каламбурами.

Дом мнимого банкира находился у входа в Веселую долину. Усадьба, называвшаяся «Ла-Фюи», ничем особенно не отличалась. В первом этаже была большая, обшитая деревом гостиная, по обе стороны которой расположены были спальни — старика и его жены. В гостиную вела прихожая, служившая столовой и смежная с кухней. Над первым этажом, лишенным внешней нарядности, обычно свойственной даже самым скромным жилищам Турени, помещались мансарды, куда вела наружная лестница, опирающаяся на один из выступов дома и покрытая навесом. Дом был отделен от виноградников садиком, заросшим жасмином, ноготками и бузиной. Вокруг двора расположились службы, необходимые в хозяйстве виноградарей.

Маргаритис, сидевший в гостиной у окна, в кресле, обитом желтым утрехтским бархатом, не встал при виде двух входящих дам и Годиссара: он думал о том, как бы продать свои две бочки вина. Это был сухопарый человек, с грушевидным черепом, лысым спереди и обрамленным редкими волосами сзади. Глубоко посаженные глаза, обведенные синевою; густые черные брови; тонкий, словно лезвие ножа, нос; выступающие челюсти и впалые щеки, вытянутое лицо — все, даже подбородок, чрезмерно длинный и плоский, все придавало его физиономии странное сходство с преподавателем риторики или с тряпичником.

— Господин Маргаритис, — обратилась к нему г-жа Вернье, — очнитесь! Этого господина направил к вам мой муж, послушайте его внимательно. Бросьте ваши вычисления и потолкуйте с ним.

Усылав это, сумасшедший встал, взглянул на Годиссара, и, указав ему на стул, сказал:

— Потолкуем, сударь.

Три женщины ушли в спальню г-жи Маргаритис, оставив дверь приоткрытой, чтобы слышать весь разговор и в случае надобности вмешаться. Не успели они усесться, как через виноградник прокрался г-н Вернье, попросил открыть окно и бесшумно влез в комнату.

— Вы, сударь, — сказал Годиссар, — занимались делами...

— Общественными, — ответил, прерывая его, Маргаритис. — При короле Мюрате я усмирил Калабрию.

— Вот так штука! Теперь он и в Калабрию попал, — шепотом заметил г-н Вернье.

— О, в таком случае, — продолжал Годиссар, — мы отлично договоримся.

— Я вас слушаю, — ответил Маргаритис, принимая осанку человека, который позирует живописцу для портрета.

— Сударь, — сказал Годиссар, играя ключиком от часов и машинально вращая его равномерными движениями, что крайне занимало сумасшедшего; по-видимому, именно поэтому он и сидел спокойно, — сударь, если бы вы не были человеком выдающегося ума... — (тут сумасшедший поклонился), — я ограничился бы тем, что изложил вам в цифрах материальные выгоды дела, психологические основания которого заслуживают того, чтобы вас с ним ознакомить. Послушайте! Не правда ли, из всех общественных сокровищ самое ценное — время? Экономить время — не значит ли это богатеть? Что же больше всего пожирает времени в жизни, как не тревога о том, что я называю похлебкой, — выражение вульгарное, но в данном случае меткое? Что может поглощать больше времени, чем

невозможность представить гарантии тем лицам, у которых вы просите денег, когда, временно обеднев, вы богаты надеждой.

— Деньги, — вот и договорились, — встал Маргаритис.

— Итак, сударь, я послан в разные департаменты компанией банкиров и капиталистов, которые заметили, как много люди с большим будущим теряют времени, а стало быть, и ума и производительной деятельности. И вот нам пришлось в голову превратить для таких людей их будущее в капитал, выдать им векселя под их таланты, выдать векселя подо что?.. Опять-таки под упомянутое время и обеспечить эту ценность их наследникам. Здесь идет речь уже не о том, чтобы сэкономить время, а о том, чтобы придать ему ценность, выразить его в цифрах, перевести на деньги те его продукты, которые вы желаете получить в этом умоглядном пространстве, представляя те моральные качества, коими вы наделены и кои, сударь, являются движущими силами, как водопад, как паровая машина в три, в десять, в двадцать, в пятьдесят лошадиных сил. Ах, вот это прогресс, стремление к более совершенному порядку вещей, стремление, вызванное деятельностью нашей эпохи, по самому существу своему прогрессивной, как я и докажу вам, когда мы коснемся принципов более разумного согласования общественных интересов. Я объясню вам это на наглядных примерах. Оставим отвлеченное рассуждение, которое у нас принято называть математикой идей. Допустим, что вы не рантье, а художник, музыкант, артист, поэт...

— Я художник, — заявил сумасшедший как бы вскользь.

— Ну и отлично, раз вы так хорошо усваиваете мою метафору. Вы художник, у вас впереди прекрасное будущее, богатое будущее. Но я иду дальше...

Услышав эти слова, сумасшедший тревожно взглянул на Годиссара, словно боясь, как бы тот на самом деле не ушел, и успокоился только тогда, когда увидел, что тот сидит на прежнем месте.

— Вы даже еще ничто, — продолжал Годиссар, — но вы себя чувствуете...

— Я себя чувствую, — сказал помешанный.

— В душе вы говорите: я буду министром. И вот вы художник, вы артист, вы литератор, вы будущий министр, вы определяете в цифрах ваши надежды, вы устанавливаете на них тариф, вы оцениваете себя, предположим, в сто тысяч экю...

— Стало быть, вы принесли мне сто тысяч экю? — спросил сумасшедший.

— Да, сударь, и вы сейчас убедитесь в этом. Либо их обязательно получают ваши наследники в случае вашей смерти, ибо Общество обязуется выплатить им эти деньги, либо вы получите эту сумму благодаря вашим работам в области искусства, вашим удачным предприятиям, если вы останетесь в живых. Если вы ошиблись в своих расчетах, то можете начать все сызнова. Но поскольку вы установили — как я уже имел честь вам доложить — стоимость вашего умственного капитала, — ибо это умственный капитал, усвойте это хорошенько, умственный...

— Понимаю, — сказал сумасшедший.

— Вы подписываете страховой договор с администрацией, которая признает за вами ценность в сто тысяч экю, вашу ценность как художника...

— Я художник, — пробормотал сумасшедший.

— Нет, — продолжал Годиссар, — вашу ценность как музыканта, как министра, и обязуется выплатить их вашей семье, вашим наследникам в том случае, если смерть разрушит ваши

надежды — эту, так сказать, похлебку, наваренную на умственном капитале. Таким образом, уплата премии будет достаточна, чтобы укрепить...

— Вашу кассу, — перебил его сумасшедший.

— Ну, естественно, сударь. Я вижу, вы в курсе дел.

— Да, — сказал сумасшедший, — я был основателем Земельного банка на улице Фоссе-Монмартр в Париже в тысяча семьсот девяносто восьмом году.

— Не вытекает ли отсюда, — продолжал Годиссар, — что страхуемые, дабы упрочить умственные капиталы, которые каждый за собой признает и себе приписывает, должны делать небольшой взнос — три процента, три процента в год? Таким образом, уплачивая пустяковую сумму, сущую ерунду, вы ограждаете свою семью от плачевных последствий вашей смерти.

— Но я жив, — возразил сумасшедший.

— Ах да, и, весьма возможно, проживете еще долго! Вот возражение, чаще всего встречающееся, возражение самое обычное, и вы понимаете, что если бы мы его не предусмотрели, не изничтожили, то были бы достойны быть... кем?.. Кто мы такие в конце концов? Бухгалтера огромной конторы умов. Сударь, я говорю это не для вас, но мне всюду приходится встречать людей, претендующих на то, что они говорят что-либо новое, приводят какой-нибудь новый довод людям, которые поседели на этом деле. Честное слово, жалость берет глядеть на них. Но таков мир, не мне его переделывать... Ваше возражение, сударь, бессмысленно...

—

Que' saco? [11] — спросил Маргаритис.

— Вот почему. Если вы будете жить и владеть некоторыми средствами, определенными в вашем страховом полисе и обеспечивающими на случай вашей смерти... следите внимательно.

— Я слежу.

— Так вот, вы преуспели в своих делах! Преуспели же именно благодаря страховому полису, ибо вы удвоили свои шансы на успех, освободившись от тревог за жену и детей, которых ваша смерть может ввергнуть в тяжелую нужду. Если же вы преуспели, значит, вы умножили свой умственный капитал, и по сравнению с этой прибылью страховка была пустяком, настоящим пустяком, сущим пустяком.

— Прекрасная мысль!

— Не правда ли, сударь? — продолжал Годиссар. — Я называю эту благотворительную кассу взаимным страхованием против нищеты... или, если хотите, учетом таланта. Ибо талант, сударь, это вексель, выданный природой гениальному человеку, — вексель, подчас очень долгосрочный... хе-хе...

— Великолепное ростовщичество, — воскликнул Маргаритис.

«Черт возьми! Да ведь он тонкая бестия, я в нем ошибся, — подумал Годиссар. — Надо будет подействовать на него более высокими соображениями, шуткой номер первый».

— Отнюдь нет, сударь, — громко воскликнул Годиссар, — для вас, который...

— Не выпьете ли вы стакан вина? — предложил Маргаритис.

— Охотно, — ответил Годиссар.

— Жена, подай-ка нам бутылку того вина, которого у нас осталось две бочки. Вы здесь в самом сердце Вувре, — сказал старик, указывая Годиссару на свой виноградник. — Виноградник Маргаритиса.

Служанка принесла стаканы и бутылку вина 1819 года. Старик осторожно налил стакан и торжественно подал Годиссару. Тот выпил.

— Вы меня провели, сударь, — сказал коммивояжер, — ведь это мадера, настоящая мадера!

— Еще бы, — сказал сумасшедший. — Недостаток вуврейского вина в том, сударь мой, что оно и не простое вино, и не десертное; оно слишком благородно, слишком крепко; поэтому в Париже вам продают его за мадеру, подбавив в него водки. Наше вино настоящий ликер, многие парижские торговцы, когда наш урожай недостаточно хорош для Голландии и Бельгии, скупают у нас вино, разбавляют его вином парижских пригородов и делают из него таким образом бордоское вино. Но то, что вы пьете сейчас, сударь, — это королевское вино, лучшее, что есть в Вувре. У меня его две бочки, всего только две. Тот, кто любит тонкие вина, вина высокой марки, кто желает подавать к своему столу вино, не поступающее в продажу, как некоторые парижские семьи, гордящиеся своими винами, тот получает вино непосредственно от нас. Знаете ли вы кого-нибудь, кто...

— Вернемся к делу, — сказал Годиссар.

— Вот мы и подошли к нему, сударь, — заговорил опять сумасшедший. — Перед моим вином все вина капитулируют, а капитулировать имеет общий корень с капиталом, — кстати, о капиталах, хе-хе, —

сарут — голова, а мое вино в голову ударяет... все одно к одному.

— Таким образом, — продолжал Годиссар, — или вы реализуете ваши умственные капиталы...

— Я реализовал, сударь. Ну как, покупаете вы мои две бочки? О сроках платежей мы договоримся.

— Да нет, — возразил прославленный Годиссар, — я говорю о страховании умственных капиталов и операциях по страхованию жизни. Я продолжаю свои рассуждения...

Сумасшедший успокоился, принял прежнюю позу и опять уставился на Годиссара.

— Я говорю, сударь, что в случае вашей смерти капитал выплачивается вашей семье без всяких затруднений.

— Без затруднений.

— Да, если это только не самоубийство.

— Это дело кляузное.

— Нет, сударь. Ведь вы знаете, что самоубийство всегда легко установить.

— Во Франции — да, — согласился сумасшедший, — но...

— Но за границей?.. — подхватил Годиссар. — Так вот, сударь, чтобы покончить с этим, я скажу, что естественная смерть за границей и смерть на поле брани не входят...

— Так что же вы в таком случае боитесь?.. Ничего! — воскликнул Маргаритис. — Мой Земельный банк основан был на...

— Как ничего, сударь? — перебил Годиссар. — Ничего? А болезнь, а неприятности, а нищета и страсти? Но не будем перечислять исключительные случаи.

— Да, не будем рассматривать эти случаи, — согласился сумасшедший.

— Каков же итог всего дела? — воскликнул Годиссар. — Вам, как банкиру, я в точных цифрах вычислю результат. Существует человек, перед ним будущее, он на верном пути, живет своим искусством, ему понадобились деньги, он просит их... Денег нет! Весь цивилизованный мир отказывает в деньгах этому человеку, который мысленно уже покорила себе весь цивилизованный мир и должен в будущем покорить его кистью, резцом, словом, мыслью, системой. Жестокая цивилизация! У нее нет хлеба для великих людей, которые сообщают ей блеск, эта золоченая сволочь кормит их только оскорблениями и насмешками... Выражение сильное, но я отнюдь не отказываюсь от него. Тогда этот непонятный великий человек приходит к нам; мы чествуем его как великого человека, мы с уважением приветствуем его, мы его выслушиваем, а он говорит: «Господа представители Общества страхования капиталов, моя жизнь стоит столько-то: я буду вам выплачивать такой-то процент... с произведений моего творчества...» Что же мы делаем?.. Тотчас же без всяких колебаний допускаем его к великолепному пиршеству цивилизации в качестве достойного сотрапезника...

— В таком случае надо вина... — вставил сумасшедший.

— Достойного сотрапезника... Он подписывает свой страховой полис, получает наши бумажонки, наши жалкие бумажонки, которые, хоть они и ничтожные бумажонки, обладают все же большей силой, чем его гений. Действительно, если ему понадобятся деньги, то всякий, зная, что у него есть полис, одолжит ему денег. На бирже, у банкиров, везде и даже у ростовщиков он найдет кредит, потому что представит гарантии. Итак, сударь, ведь это же называется заполнить пробел в общественной системе! Но, сударь, это лишь часть операций, предпринятых Страховым обществом жизни. Мы боимся должников по другой системе премий. Мы предоставляем пожизненные проценты из расчета, соответствующего возрасту, по шкале значительно более льготной, чем были до сих пор нарастающие пожизненные ренты, основанные на заведомо фальшивых таблицах смертности. Так как наше Общество имеет дело с обширным кругом людей, то владельцы пожизненной ренты не должны опасаться мыслей, которые омрачают их и без того печальную старость, а эти мысли неизбежно ожидают их, если ренту ему выплачивает частное лицо. Вы видите, сударь, у нас жизнь оценена во всех направлениях...

— Обсосана со всех сторон, — сказал старик, — но выпейте же стаканчик вина, вы вполне заслужили его. Если вы хотите, чтоб у вас был мед на языке, надо, чтоб у вас был мед и в желудке. Сударь, хорошо выдержанное вуврейское вино — это сущий мед.

— Что вы об этом думаете? — спросил Годиссар, осушая стакан.

— Очень хорошо, очень ново, очень полезно, но я предпочитаю учет земельных ценностей, который производили в моем банке на улице Фоссе-Монмартр.

— Вы совершенно правы, сударь, — ответил Годиссар, — но это уже тысячу раз пробовано и перепробовано, сделано и переделано. У нас в данное время есть залоговая касса, которая дает ссуды под заклад недвижимости, широко предоставляя право выкупа. Но ведь это жалкий замысел по сравнению с упрочением надежд. Упрочить надежды, сконцентрировать, выражаясь языком финансовым, желания каждого разбогатеть, обеспечить ему выполнение этих желаний. Для этого необходима была наша эпоха, сударь, эпоха переходная, переходная и одновременно прогрессивная.

— Да, прогрессивная, — сказал сумасшедший. — Я люблю прогресс, особенно тот, который обеспечивает винограду хорошую погоду. В старое время...

— «Время», — продолжал Годиссар, не вникая в слова Маргаритиса. — «Время», сударь, плохая газета. Если вы ее читаете, то мне вас жаль.

— Газета! — отозвался Маргаритис. — Еще бы, я страстный любитель газет. Жена! Жена! Где газета? — закричал он, повернувшись к спальне.

— Ну, сударь, если вас интересуют газеты, то мы с вами прекрасно договоримся.

— Да, но раньше, чем читать газету, признайтесь, что это вино...

— Восхитительно! — подтвердил Годиссар.

— Тогда давайте допьем бутылку. — Сумасшедший налил себе немного вина и наполнил стакан Годиссара. — Так вот, сударь, у меня две бочки этого вина. Если оно вам нравится и если это вам подходит...

— Вот именно, — подхватил Годиссар. — Столпы сенсимонистского учения просили меня снабдить их припасами, которые я... Но поговорим о их большой и прекрасной газете. Вот вы так хорошо разбираетесь в денежных операциях, вы поможете мне наладить это дело в вашем округе...

— Охотно, — сказал Маргаритис, — если...

— Понятно, если я куплю у вас вино. Кстати, это — отменное вино, сударь, густое вино...

— Из него делают шампанское, один парижанин приезжает за ним сюда, в Тур.

— Верю, сударь. «Земной шар», о котором вы слыхали...

— Я его вдоль и поперек знаю, — перебил его Маргаритис.

— Я был в этом уверен, — сказал Годиссар. — Сударь, у вас хорошая голова, башка, как у нас говорят, крепкая башка, лошадиная, — головы всех великих людей чем-то схожи с лошадиными. Можно быть величайшим гением и оставаться неизвестным. Такие шутки случаются довольно часто с теми, кто, несмотря на свои возможности, остается в тени, как это чуть не случилось с великим Сен-Симоном и с господином Вико[12], человеком выдающимся, который начинает выдвигаться, Вико идет в гору. Я доволен. Тут мы переходим к теории и новой формуле человечества. Внимание, сударь...

— Внимание, — повторил сумасшедший.

— Эксплуатация человека человеком, сударь, должна была бы прекратиться с того дня, когда Христос — я не говорю Иисус Христос, а Христос — провозгласил всеобщее равенство людей перед богом. Но разве до сей поры это равенство не было самой жалкой химерой? А Сен-Симон есть дополнение Христа. Христос уже свой срок отслужил.

— И вышел в отставку? — спросил Маргаритис.

— Он отслужил свой срок, как и либерализм. Теперь перед нами нечто более важное: новая вера, свободное, индивидуальное производство, общественное устройство, при котором каждый будет получать справедливое общественное вознаграждение, соответственно своему труду, и не будет эксплуатироваться бездарными личностями, которые заставляют работать всех на пользу одного. Отсюда учение...

— А что будет с прислугой? — спросил Маргаритис.

— Прислуга так и останется прислугой, если она только на это и способна.

— А тогда какой же смысл в этом учении?

— О, чтобы судить об этом, сударь, надо подняться выше, расширить кругозор, и тогда вы будете иметь общую ясную картину человечества. Тут уж мы прямо попадаем в теорию Балланша[13]. Известен ли вам господин Балланш?

— Еще бы, мы только это и знаем, — ответил сумасшедший, которому послышалось «баланс».

— Хорошо, — продолжал Годиссар. — Итак, если зрелище постоянно возрождающихся последовательных изменений одухотворенного земного шара вас трогает, увлекает, волнует, в таком случае, сударь, газета «Земной шар» — великолепное заглавие, четко определяющее ее назначение, — «Земной шар» — это ваш

сicerone [14], каждое утро он будет разъяснять вам новые условия, при которых в ближайшее время должно осуществиться политическое и духовное изменение мира.

—

Que' saco? — спросил старик.

— Я поясню вам свое рассуждение на наглядном примере, — продолжал Годиссар. — В детстве няньки толковали нам о серафимах, теперь же, в старости, нам нужны картины будущего. Эти господа...

— Пьют они вино?

— Да, сударь. Их дома поставлены на широкую ногу, на незыблемую ногу: великолепное общество, все знаменитости, блестящие приемы...

— Ну, что же, — сказал сумасшедший, — рабочие, которые разрушают, нуждаются в вине не менее тех, кто строит.

— Тем более, сударь, в том случае, когда одной рукой разрушают, а другой строят, как это делают апостолы «Земного шара».

— В таком случае им нужно вино, вуврейское вино, те оставшиеся у меня две бочки, триста бутылок за сто франков, сущие пустяки!

«Почем же выходит бутылка? — прикинул в уме Годиссар. — Ну-ка! Доставка, акцизная пошлина семи су не составят; выгодная сделка; они дороже платят за любые вина. Ну, теперь он у меня в руках, — решил Годиссар. — Ты хочешь сплавить мне вино, в котором я нуждаюсь, я тебя не упущу».

— Что же, сударь, — продолжал он, — когда люди спорят, то в конце концов они всегда договорятся. Поговорим начистоту. Вы пользуетесь большим влиянием в вашем округе?

— Еще бы, — сказал сумасшедший. — Я глава Вувре.

— Хорошо, вы вполне уяснили себе идею предприятия с умственными капиталами?

— Отлично.

— Вы измерили всю ширь «Земного шара»?

— Дважды, и притом пешком.

Годиссар не расслышал. Он, как человек уверенный в успехе, был погружен в свои мысли и слушал только самого себя.

— Действительно, принимая во внимание ваше положение, мне кажется, что вам в вашем возрасте нечего застраховывать. Но, сударь, вы же можете помочь мне застраховать тех лиц в округе, которые, то ли по своим личным качествам, то ли вследствие материального положения своих семейств, желали бы обеспечить себя. Таким образом, если вы подпишетесь на «Земной шар» и поддержите меня вашим влиянием в округе, разрешив ссылаться на вас для привлечения капиталов в пожизненную ренту, — ибо в провинции питают пристрастие к пожизненной ренте, — то мы договоримся с вами о ваших двух бочках вина. Итак, подписываетесь вы на «Земной шар»?

— Идет.

— Поддержите вы меня среди влиятельных лиц округа?

— Поддержу.

— И...

— И...

— И я... Но вы подпишетесь на «Земной шар»?

— «Земной шар» — газета хорошая, пожизненная газета.

— Пожизненная, сударь? Ах да, вы правы, она полна жизни, силы, сведений, можно сказать, напичкана сведениями, великолепно составлена, четкий шрифт, хорошие краски, прекрасная бумага. Это вам не дрянной товар, не бульварная газетка, от нее не «рябит» в глазах, это не дешевый шелк, который расползается от одного взгляда. Это газета добротная, над ее рассуждениями стоит призадуматься, она очень скрашивает досуг в деревенской глуши.

— Все это мне подходит, — сказал сумасшедший.

— «Земной шар» стоит пустяки, всего двадцать четыре франка.

— А это уже мне не подходит, — возразил Маргаритис.

— Сударь, я уверен, вы имеете внуков.

— Еще бы! — ответил Маргаритис, не расслышав реплики.

— Отлично! «Журнал для детей» — семь франков в год.

— Купите у меня две бочки вина, и я подпишусь на журнал для детей. Это мне подходит, прекрасная мысль. Умственная эксплуатация ребенка, разве не означает она эксплуатацию человека человеком? А?

— Вы все поняли, сударь, — ответил Годиссар.

— Я понял.

— Значит, вы согласны поддержать меня в округе?

— Да, в округе.

— Могу я сослаться на ваше согласие?

— Можете.

— Итак, сударь, я покупаю у вас ваши две бочки вина за сто франков.

— Э, нет! За сто десять.

— Ну, хорошо, сударь, пусть будет за сто десять, но это для столпов учения, а для меня сто. Я устраиваю вам продажу вина, а вы мне за это даете комиссионные. Идет?

— А вы поставьте им сто двадцать. Большой вины не будет, если от продажи вина вы получите невинную прибыль.

— Прекрасный каламбур, не только складный, но и остроумный.

— Он и острый и умный, сударь.

— Что ни слово — острота, как у Николе[15].

— Да уж я таков, — ответил сумасшедший. — Хотите взглянуть на мой виноградник?

— С большим удовольствием, — ответил Годиссар. — Ваше вино прямо в голову ударяет.

И прославленный Годиссар вышел с Маргаритисом, который водил его по винограднику от отводка к отводку, от лозы к лозе. А три дамы и г-н Вернье могли тем временем вдоволь натешиться, наблюдая издали, как вояжер и сумасшедший спорили, жестикулировали, останавливались, вновь принимались ходить и оживленно о чем-то рассуждали.

— И зачем это наш старик увел его туда? — недоумевал Вернье.

Наконец Маргаритис и коммивояжер повернули и быстро пошли обратно, словно торопясь закончить какую-то сделку.

— Наш старик, видимо, здорово обработал парижанина, — сказал г-н Вернье.

Действительно, к великой радости Маргаритиса, прославленный Годиссар, усевшись у края ломберного стола, написал заказ на две бочки вина. Прочитав обязательство коммивояжера, г-н Маргаритис уплатил семь франков за подписку на «Журнал для детей».

— Итак, до завтра, сударь, — сказал прославленный Годиссар, играя ключиком от часов, — завтра я буду иметь честь прийти за вами. Вино же вы можете отправить в Париж по указанному адресу, и вам тотчас же будет уплачено за него.

Годиссар был нормандец и потому любил обоюдные обязательства. Он потребовал обязательства с г-на Маргаритиса, а тот довольный, как всякий сумасшедший, которому удалось осуществить свою навязчивую идею, подписал, предварительно прочитав его, обязательство выдать Годиссару две бочки вина из подвала Маргаритиса. И прославленный Годиссар, приплясывая и напевая «Король морей, греби сильнее!», отправился в харчевню «Золотое солнце», где в ожидании обеда, натурально, вступил в беседу с хозяином. Митуфле был прост и лукав, как большинство крестьян, но он никогда не смеялся шуткам, ибо был отставным солдатом, привыкшим шутить под грохот пушек и свист пуль.

— Какие у вас здесь живут дельные люди, — сказал Годиссар, прислонясь к косяку двери и закуривая сигарету от трубки Митуфле.

— А вы кого имеете в виду? — спросил Митуфле.

— Конечно, людей, основательно подкованных в политических и финансовых вопросах.

— У кого же это вы были, если это не нескромный вопрос? — простодушно спросил трактирщик, ловко сплевывая сквозь зубы, как это время от времени обычно делают курильщики.

— У тонкой бестии, у некоего Маргаритиса.

Митуфле иронически и холодно взглянул на постояльца.

— Правильно, это человек тонкий и очень знающий, такого не всякий и поймет.

— Еще бы! Он прекрасно разбирается в самых сложных финансовых вопросах.

— Да, — ответил трактирщик, — я всегда очень сожалел, что он сумасшедший.

— Как сумасшедший?

— Да так, сумасшедший, какими бывают все сумасшедшие, когда они сходят с ума, — ответил Митуфле. — Только он не опасен, и жена держит его дома. Так вы с ним поладили? — хладнокровно спросил безжалостный трактирщик. — Забавно.

— Забавно? — воскликнул Годиссар. — Как так «забавно»? Что же это? Выходит, ваш господин Вернье подшутил надо мной?

— Так это он вас туда направил? — спросил Митуфле.

— Он.

— Жена, послушай-ка! — крикнул трактирщик. — И как это только Вернье пришло в голову направить господина Годиссара к Маргаритису!

— О чем же вы говорили с ним, уважаемый? — спросила трактирщица. — Ведь он сумасшедший.

— Он продал мне две бочки вина.

— И вы их купили?

— Купил.

— Так ведь на этом-то он и помешан: он продает вино, которого у него нет.

— Хорошо же! — воскликнул вояжер. — Прежде всего надо отблагодарить господина Вернье.

И, кипя негодованием, Годиссар поспешил к бывшему красильщику, которого застал в столовой потешающимся вместе с соседями над своей проделкой.

— Сударь, — закричал король коммивояжеров, испепеляя его взглядом, — вы шут и невежа, и если вы не хотите, чтобы я почитал вас ниже последнего тюремщика, а для меня эти люди хуже каторжников, то вы дадите мне удовлетворение, ибо вы оскорбили меня, сведя с заведомо сумасшедшим человеком. Слышите ли вы, что я вам говорю, господин красильщик Вернье!

Такова была обвинительная речь Годиссара, которую он подготовил, как трагик подготавливает свой выход на сцену

— Как! — возразил Вернье, возбужденный присутствием соседей. — Вы воображаете, что мы не вправе подшутить над хлыщом, который приезжает к нам в Вувре, задирает нос и выманивает у нас наши денежки под тем предлогом, что мы якобы великие люди, художники, рифмоплеты, и тем самым он приобщает нас к людям, не имеющим ни гроша за душой, к темным личностям, к тем, у кого ни кола, ни двора. А чем мы это заслужили? Мы — почтенные отцы семейств. Является какой-то проходимец и предлагает подписаться на «Земной шар», на газету, первая заповедь которой, видите ли, не наследовать отцу с матерью. Ей-богу же, дядюшка Маргаритис говорит куда разумнее. Впрочем, на что вы, сударь, жалуетесь. Вы ведь прекрасно договорились. Присутствующие могут подтвердить, что ни с одним другим жителем нашего округа вы не договорились бы лучше.

— Может быть, все это и прекрасно, но я, сударь, почитаю себя оскорбленным, и вы дадите мне удовлетворение.

— Если вам так угодно, сударь, то я тоже готов считать вас оскорбленным, но драться с вами не буду, потому что не вижу во всем этом деле достаточного основания для поединка. Ну и шутник же вы!

Услышав эти слова, Годиссар кинулся на красильщика, намереваясь дать ему пощечину, но бдительные вуврейцы бросились между ними, и Годиссар только замахнулся и сдернул с красильщика парик, который сел на голову девицы Клары Вернье.

— Если вы не удовлетворены, сударь, то можете найти меня в гостинице «Золотое солнце», где я пробуду до завтрашнего утра, и я готов объяснить вам, что значит удовлетворение за обиду. Я, сударь, дрался в Июле.

— Ну и прекрасно, а теперь вы будете драться в Вувре, и как бы вам не загоститься здесь на более долгий срок, нежели вы предполагали.

Годиссар удалился, размышляя над последними словами, показавшимися ему дурным предзнаменованием. Впервые в жизни вояжер пообедал без удовольствия.

Ссора Годиссара и г-на Вернье взбудоражила весь городок. В этом благословенном уголке никогда и помина не было о дуэлях.

— Господин Митуфле, завтра я дерусь на дуэли с господином Вернье, у меня здесь нет знакомых, не согласитесь ли вы быть моим секундантом? — спросил Годиссар своего хозяина.

— Охотно, — ответил трактирщик.

Не успел Годиссар пообедать, как в гостиницу «Золотое солнце» пришли г-жа Фонтанье и помощник мэра, отвели к сторонке Митуфле и растолковали ему, как неприятно будет для всего округа, если кто-нибудь погибнет у них насильственной смертью; они обрисовали ему ужасное положение несчастной г-жи Вернье и заклинали Митуфле уладить дело так, чтобы спасти честь их городка.

— Я все улажу, — ответил лукавый трактирщик.

Вечером Митуфле принес Годиссару перо, чернила и бумагу.

Что это вы мне принесли? — спросил Годиссар.

— Да вы же завтра деретесь, — ответил Митуфле, — я полагал, что вы пожелаете оставить какое-либо распоряжение или написать письмо; ведь у каждого из нас есть привязанности. О, не беспокойтесь, от этого не умирают. Ведь вы хорошо владеете оружием? Не хотите ли слегка потренироваться? У меня есть две рапиры.

— Что ж, пожалуй.

Митуфле принес рапиры и две маски.

— Итак, начнем.

Хозяин и постоялец встали в позицию.

Митуфле, когда-то обучавший молодых гренадеров владеть шпагой, сделал шестьдесят восемь выпадов, загнав Годиссара и прижав его к стене.

— Черт возьми! Вы здорово деретесь! — воскликнул запыхавшийся Годиссар.

— Господин Вернье дерется еще лучше.

— Черт возьми! В таком случае я буду драться на пистолетах.

— И правильно сделаете. Видите ли, если вы возьмете огромные седельные пистолеты и зарядите их до самого дула, то вы ничем не рискуете: получится отдача, вы промажете и разойдетесь с честью. Хотите, я все это вам устрою? А? Ей-богу же, глупо порядочным людям убивать друг друга из-за ерунды!

— А вы уверены, что мы промажем? По правде говоря, не хотелось бы убивать этого человека, — сказал Годиссар.

— Спите спокойно.

На следующее утро несколько побледневшие противники встретились у моста через реку Сизу. Шутник Вернье чуть не застрелил корову, которая паслась у обочины дороги в десяти шагах от него.

— О, вы выстрелили в воздух! — воскликнул Годиссар.

И противники обнялись.

— Сударь, — сказал вояжер, — ваша шутка была несколько резка, но зато забавна. Мне очень досадно, что я на вас накинулся, но я был вне себя. Я считаю вас человеком порядочным.

— Сударь, — ответил все еще бледный красильщик, — мы найдем вам двадцать подписчиков на «Журнал для детей».

— А если так, то почему бы нам не позавтракать вместе? — предложил Годиссар. — Почему бы людям, которые подрались, не договориться?

— Господин Митуфле, — спросил Годиссар, вернувшись в гостиницу, — нет ли у вас здесь судебного пристава.

— А зачем он вам?

— Я хочу послать вызов в суд дорогому господину Маргаритису, уж ему придется доставить мне две бочки вина из своего подвала.

— Но у него их нет, — воскликнул Вернье.

— В таком случае, сударь, это дело можно уладить, если он мне уплатит двадцать франков неустойки. Я не желаю, чтобы болтали, будто в вашем городке облапошили прославленного Годиссара.

Госпожа Маргаритис, напуганная возможностью судебного процесса, который, несомненно, должен был кончиться в пользу истца, поспешила принести двадцать франков милостивому вояжеру, кстати сказать, навсегда избавившемуся от желания заняться одним из самых веселых, но зато и неподатливых на новые веяния округов Франции.

Возвращаясь из поездки по югу Франции, прославленный Годиссар занимал переднее место в дилижансе Лафит — Гайяр, где его попутчиком был молодой человек, которого уже с Ангулема он поучал тайнам жизни, вероятно, приняв его за птенца.

Когда подъезжали к Вувре, молодой человек воскликнул:

— Какой прелестный городок!

— Да, сударь, — ответил Годиссар, — но жители в этой местности невыносимы. Здесь вам пришлось бы драться на дуэли чуть ли не каждый день. Смотрите, вот там... — он указал на мост через Сизу, — как раз три месяца назад у меня был поединок — я дрался на пистолетах с одним неистовым красильщиком, но... я его одолел!

Париж, ноябрь 1834 г.

Примечания

«Прославленный Годиссар» был опубликован впервые во втором томе «Сцен провинциальной жизни» в 1833 году («Этюды о нравах XIX века», дат. 1834 годом). В 1843 году рассказ «Прославленный Годиссар» вошел в шестой том первого издания «Человеческой комедии» (второй том «Сцен провинциальной жизни») и был напечатан вместе с «Провинциальной музой» под общей рубрикой «Парижане в провинции».

1

Но опыту и наблюдениям (лат.).

2

Годиссар (от

фр. Godissart) — шутник, весельчак.

3

Подобное (лечится) подобным (лат.).

4

Городу и миру (лат.). В значении «всем и вся».

5

Шахбахам — имя султана из водевиля Скриба (1791 — 1861) «Медведь и Паша», модного в описываемое Бальзаком время.

6

Французские карбонарии — тайная республиканская организация, созданная во Франции в начале двадцатых годов XIX в.

7

Майе — карикатурный образ горбуна, появившийся во французских сатирических изданиях после Июльской революции 1830 г. и олицетворявший буржуа. С уст Майе не сходили демагогически употреблявшиеся им слова «хартия», «гражданин» и т. п.

8

Попино Ансельм — приказчик парфюмерной лавки, впоследствии фабрикант-парфюмер — вымышленное действующее лицо, встречающееся в ряде произведений «Человеческой комедии».

9

Телемское аббатство. — Под этим названием в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

(1533—1564) изображен необычайный «монастырь», в котором молодые мужчины и женщины проводят время в занятиях науками и искусством. Девизом Телемского аббатства было изречение: «Делай, что хочешь».

10

По-своему (лат.).

11

Что такое? (ит.).

12

Вико Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский буржуазный ученый, философ и социолог.

13

Балланш Пьер-Симон (1776—1847) — французский реакционный философ и писатель-мистик.

14

Проводник (ит.).

15

Николе Жан-Батист (1728—1796) — основатель парижского ярмарочного театра, пользовавшегося успехом в описываемое Бальзаком время.